

Глава 3. Вне всякой любви

Обладая уровнем культивации, позволяющим достичь бессмертия в полшага, можно преодолеть тысячи ли в мгновение ока, и не прошло и полдня, как Чу Шучэнь отыскал Дуань Уюнь. Заметив, что Дуань Уюнь стоит у подножия Фэнлин, он внезапно замер с отрешенным выражением лица, после чего бушевавшая вокруг него яростная Ци постепенно успокоилась. Опустившись неподалеку, он потупил взор в свой меч и, неподвижный, вновь превратился в почитаемого всеми Даоцзуня Учжэня.

Как он мог поднять меч на него?

Грудь Чу Шучэня тут же залила волна горячей крови, духовная энергия пришла в дикое смятение, заставив окружающие горные хребты задрожать так, что с вершин посыпались камни.

Какой же это могущественный практик здесь пролетает? — испугался про себя Дуань Уюнь. Выпустив свой артефакт для полета, он взмыл в воздух и окинул взглядом окрестности: с горной вершины скатывался огромный валун, а вдали у подножия горы смутно виднелась фигура человека, который все еще не ушел.

Нынешняя молодежь совсем не дорожит жизнью? Дуань Уюнь не стал вдаваться в подробности, стремительно подлетел ко второму культиватору, подхватил его и отпрыгнул в сторону, а в следующий миг огромный валун с грохотом рухнул именно туда, где тот только что стоял.

Этот человек медленно повернулся: черные одежды, белые волосы, прекрасные глаза и тонкие губы. На его лице не было и следа какой-либо соблазнительной привлекательности, однако однажды увидев это лицо, забыть его было уже невозможно, и ночи напролет оно стояло бы перед глазами. Во всей сфере заклинателей, помимо Даоцзуня Учжэня Чу Шучэня, разве мог кто-то еще выглядеть настолько великолепно?

Все слова упрека, которые Дуань Уюнь собирался высказать, застряли у него в горле, а заметив меч в руке Чу Шучэня, он и вовсе собрался бежать.

Сохраняя бесстрастное и отрешенное выражение лица, Чу Шучэнь мягко и нежно произнес:

— Мы столько лет состояли в союзе как Дао-партнеры, и даже если сегодня мы расторгаем его, я по справедливости должен преподнести тебе прощальный подарок.

Услышав это, Дуань Уюнь отступил на несколько шагов назад:

— Вы так пугаете людей! Подарков не нужно. Мы знакомы-то всего чуть больше трех лет, да и наш союз всегда был лишь видимостью: за три года мы едва ли пару раз виделись и даже не предавались совместному совершенствованию — впрочем, я вовсе не имею в виду, что вы в этом плане на что-то не способны.

Губы Чу Шучэня слегка дрогнули, и он попытался защитить свою честь:

— Способен, просто мы никогда не пробовали.

Дуань Уюнь изумился:

— Вы прожили тысячу лет и ни разу не пробовали?

Чу Шучэнь умолк.

Его эмоции накалялись все сильнее, в глубине духовного сознания кольнуло острой болью, и он, пошатнувшись, ухватился за близлежащий валун, чтобы удержать равновесие.

Видя, что Чу Шучэнь действительно хочет сделать подарок, Дуань Уюнь подошел и принял из его рук зеркало.

Однако в этот момент духовное сознание Чу Шучэня снова пронзила острая боль, его лицо слегка изменилось, и в мгновение ока он вонзил меч в левый бок Дуань Уюня. Затем, прижав Дуань Уюня за плечи, он медленно притянул его к себе в объятия, и лезвие меча с каждым его движением все глубже проникало в тело юноши.

Чу Шучэнь легко щелкнул его по щеке:

— Лицо уродливое, а губы раскатаны. Уж в плане внешности с Чу Шучэнем никто не сравнится, и если разобраться, в подлинном парном совершенствовании в убытке остался бы именно Чу Шучэнь.

Дуань Уюнь тоже умолк: неужели нормальный мужчина способен сдерживаться больше тысячи лет? Пусть даже он блюдет свою чистоту, но как можно продолжать воздерживаться, когда у тебя уже есть Дао-партнер? При этих мыслях он окончательно утвердился в мысли, что Чу Шучэнь импотент, который к тому же не желает занимать пассивную роль.

На лице Чу Шучэня промелькнула редкая улыбка, но от нее веяло могильным холодом:

— Хочешь магических сокровищ? На снежных вершинах Крайнего Севера их полно. — Он на полчасти ослабил хватку.

Вспомнив недавний разговор, Чу Шучэнь внезапно усмехнулся:

— Вернемся на Крайний Север — вот тогда и обсудим, способен ли мой отец.

Подняв руку, Чу Шучэнь подушечкой пальца смахнул кровь с уголка губ Дуань Уюня и недоуменно произнес:

— До чего же у тебя своеобразные мысли.

— ... — Спросите себя, есть ли что-то более обидное и доводящее до белого каления, чем оскорблять человека в присутствии его отца, которого тот не понимает? Подавляя обиду, Дуань Уюнь снова выплюнул полный рот крови.

Чу Шучэню стало несколько неловко. Прервав этот разговор, он сделал движение рукой в пустом пространстве и вытащил из созданного им карманного мира зеркало:

— Это зеркало — редкое в поднебесной сокровище высочайшего класса, способное отразить атаки практиков ниже стадии Достижения. Даже под ударом такого воина, как я, оно сможет спасти тебе жизнь.

Дуань Уюнь опешил:

— Ты что, в меня влюбился?

Мысленно повторяя про себя: не одолеть, не одолеть, — Дуань Уюнь спустя мгновение крепко сжал зубы и внешне совершенно невозмутимо произнес:

— Раз уж Даоцзунь не испытывает ко мне сердечной привязанности, к чему же тогда так жестоко преследовать меня?

Пользуясь моментом, Дуань Уюнь высвободился из оков, выдернул меч, швырнул его в сторону, проглотил несколько пилюль и бросился бечь.

Лишь после этого Дуань Уюнь срыгнул застоявшуюся кровь:

— Твоего отца!

Чу Шучэнь нахмурился, его аура стала еще более мрачной и угрюмой, а взгляд безумно заблестел:

— Раз уж ты принадлежишь мне, Чу Шучэню, с какой стати мне отдавать тебя кому-то другому? Будь то человек или любая другая вещь. — С этими словами он неожиданно раздавил в кулаке только что подаренное зеркало. Осколки изрезали ему ладонь, но он, казалось, вовсе не замечая ран, позволил каплям крови падать на землю.

Долгое время спустя рассудок Чу Шучэня постепенно прояснился. Глядя на окровавленный клинок на земле, он почувствовал, как боль в его сердце стала еще острее. Результатом ухудшения травмы духовного сознания стало то, что некогда цельный дух раскололся надвое, из-за чего его собственные эмоции и поступки вышли из-под контроля. Если на этот раз Уюню посчастливилось ускользнуть, то что будет в следующий?

Прижатый к земле практиком стадии Достижения, Дуань Уюнь с трудом мог даже моргнуть — он ощущал лишь пыточную боль от клинка, медленно рассекающего плоть.

Шатаясь, он повернулся и решил вернуться на снежные вершины Крайнего Севера: теперь

лучшим выходом было лишь запечатать самого себя собственными руками. Времени у него оставалось немного, так зачем же втягивать в это других? Дуань Уюнь — превосходный младший, и заключить с ним союз в порыве безрассудства уже было его ошибкой, так как же теперь он мог обречь этого юношу на гибель вместе с собой?

В этот самый момент в голове Чу Шучэня внезапно зазвучал его собственный голос:

— Мы с тобой — одно целое. Знакомые тебе формации известны и мне. Неужели ты думаешь, что если ты запечатаешь это тело, я не смогу снять печать? Даоцзунь Учжэн, тебе меня не удержать.

Лицо Чу Шучэня помрачнело:

— Ты — не я.

Всего лишь искра разума, независимо зародившаяся после раскола духовного сознания, как она могла быть похожа на него? Во что бы то ни стало он не посмеет причинить вред Дуань Уюню.

— Никакой разум не способен существовать отдельно от мыслей. Повреждение духовного сознания? Ха! Это лишь повод, чтобы дать волю определенным устремлениям, или, скорее, благовидное оправдание, которое ты сам для себя нашел. Это ведь ты сам желал оставить его на Крайнем Севере, вот я и подумал воплотить твоё желание в жизнь. Человек, пока он жив, вечно о чем-то мечтает, и лишь мертвецы могут оставаться рядом с нами во веки веков.

Желал ли он, чтобы Дуань Уюнь остался? Разумеется, желал. То слегка хмурающийся, то заливисто смеющийся — столь живой Дуань Уюнь... Кто бы смог добровольно отпустить такого? Однако человек тем и зовется человеком, что обладает способностью обуздывать собственную природу, особенно Даоцзунь, достигший столь высокого уровня культивации.

— Замолчи! — Чу Шучэнь взмахнул рукой, и удар духовной энергии пришелся ему прямо в грудь. Отлетев назад на несколько шагов, он рухнул на землю, отчего его и без того тяжелые раны стали еще опаснее.

Дуань Уюнь не ушел далеко: зажав рану рукой, он шмыгнул в какое-то укрытие, наложил на вход несколько защитных барьеров и только тогда уселся медитировать, чтобы исцелиться. Глядя на кровь на своих ладонях, он беспомощно и горько усмехнулся: если бы не тот факт, что Чу Шучэнь когда-то спас ему жизнь, разве опустился бы он до столь жалкого состояния? Пусть даже этот человек по фамилии Чу вовсе его не узнал или давно позабыл, что когда-то спас Дуань Уюня, вернуть положенный долг и завершить эту кармическую связь было тем, о чем Дуань Уюнь никак не мог забыть.

Импульсивное признание после воссоединения было ради возмещения долга, и поиск целебных трав после расторжения союза — тоже ради возмещения долга. Хотя Чу Шучэнь никогда не упоминал о повреждении своего духовного сознания, за три года совместной жизни Дуань Уюнь кое-что додумал сам, а потому и отправился к Ду Сяо за лекарством. Даже после разрыва

он должен был исцелить Чу Шучэня, и изначально это дело было лишено каких-либо любовных чувств.

Пытаясь найти хоть капельку радости в своем бедственном положении, Дуань Уюнь с цыканьем протянул:

— Ну до чего же я прекрасный бывший муж, вызывающий всеобщее умиление в мире заклинателей! Бывший преследует и норовит зарезать, а я всё равно должен отыскивать для него целебные травы.

Тьфу, этот чмошник по фамилии Чу — просто последняя сволочь!

Рассуждая так и этак, Дуань Уюнь распалялся все сильнее и все равно не мог себя переубедить. Теперь он уже сомневался, не ошибся ли он часом в человеке и не тому ли отдал свой долг благодарности, а потому разразился бранью:

— Даже от собственного бывшего избавиться норовит, мерзавец! С такими задатками ты до конца жизни не найдешь себе жену. К счастью, моя шкура толста, а бегаю я быстро — окажись на моем месте какая-нибудь девчонка, он бы ее давно прикончил!

Ругань руганью, но нужные травы искать все равно придется, да и Огонь Хвоста Феникса забрать тоже надо. Так что Дуань Уюнь тихо и незаметно прибыл в город Фэнлин.

Клан Бай, будучи влиятельным родом заклинателей, безраздельно властвовал в Фэнлине, однако число сородичей в нем было невелико, а потому каждые несколько лет они набирали среди бродячих практиков новых людей для расширения семьи. Тех из них, чья культивация не достигала стадии Золотого Ядра, принимали в клан Бай во Внешний Круг учениками, а тех, кто превзошел стадию Золотого Ядра, чествовали как почетных Старейшин, возлагая на них обязанность наставлять учеников Внешнего Круга.

И Дуань Уюнь подгадал в аккурат: как раз в эти дни клан Бай проводил набор бродячих практиков. Город Фэнлин наводнили скитальцы, цены на постоянных дворах взлетели до небес, и многие бедняки устраивались прямо на пустых площадях под открытым небом, лишь бы сберечь духовные камни. Дуань Уюнь понизил свою культивацию до стадии Закладывания Основы, тоже отыскал чистый уголок и уселся в позу лотоса, но сидевший поблизости бродячий практик храпел настолько оглушительно, что, потерпев с полчаса, он в конце концов не выдержал и пнул соседа.

Тот испуганно вздрогнул и подпрыгнул с земли:

— Кто меня пнул?

Дуань Уюнь поднял на него глаза и неторопливо произнес:

— Должно быть, вы, уважаемый собрат, проявили излишнюю бдительность и вам приснился дурной сон.

Практик озадаченно почесал в затылке, снова уселся, но вдруг истошно завопил, указывая на свои штаны:

— Гляди-ка, тут след от сапога!

Дуань Уюнь невозмутимо сменил тему:

— Раз вы здесь, собрат, значит, тоже хотите вступить в клан Бай?

— Верно, — подтвердил тот. — Я Цзян Цзюгуй, а как тебя звать, собрат?

Услышав это, Дуань Уюнь улыбнулся:

— Ле Сюань. Я здесь впервые, не мог бы ты, уважаемый собрат, ввести меня в курс местных правил приема учеников?

Цзян Цзюгуй ухмыльнулся:

— Сразу видно новенького! Ученикам Внешнего Круга клана Бай приходится выполнять всякую черновую работу: например, ловить и выкармливать чудовищных зверей, ухаживать за духовными травами, выполнять различные поручения и всё в таком духе. Для этого требуется определенная база, поэтому отбор состоит из трех испытаний. Первое, ясное дело, проверка уровня культивации и происхождения — требуется не ниже стадии Закладывания Основы. Гляжу я на тебя, собрат, а твоя культивация немалая, так что об этом можешь не беспокоиться. Второе испытание — проверка базовых навыков вроде ухода за чудовищными зверями, достаточно владеть хотя бы одним ремеслом. Третье — проверка состояния духа, чтобы в клан Бай не пробрался кто-нибудь с дурными намерениями.

Дуань Уюнь слегка нахмурился:

— Проверки такие суровые, и все ради того, чтобы стать учеником Внешнего Круга?

Звучит звание ученика Внешнего Круга красиво, считай, человек клана Бай, но по сути — обыкновенный слуга, которого даже на территорию близ внутренних покоев клана не пустят, а это никак не помогало ему в поисках Огня Хвоста Феникса.

Сидевший неподалеку старый заклинатель с белыми волосами и бородой тяжело вздохнул, лицо его омрачало накопившееся за долгие годы уныние:

— Эх, ни одна крупная секста не желает принимать бродяг. Какими бы великими талантами ты ни обладал, в клане Бай тебе светит лишь место во Внешнем Круге. Впрочем, и эта возможность выпадает редко: говорят, клан Бай даже читает лекции для таких учеников.

Да и какие могут быть таланты у бродячих практиков? Большинство из них даже золотое ядро сформировать не в силах.

— Впрочем, если вы, уважаемый собрат, не желаете быть учеником Внешнего Круга, выход на самом деле есть, — насмешливо бросил молодой человек, сидевший рядом со стариком. — Клан Бай также набирает почетных Старейшин. Если ваша культивация достигнет стадии Золотого Ядра и выше, то вам, разумеется, не придется проходить через те муторные испытания, а в будущем не придется выполнять и грязную работу учеников Внешнего Круга — каждый день вас будут принимать как самых дорогих гостей. Только вот стремиться к высокому — дело хорошее, но замахиваться на то, что не по силам, — верный способ остаться ни с чем.

— Хм, — холодно фыркнул старик. — Мы все здесь бродячие практики, и раз уж ты знаешь, как трудно бродягам сформировать золотое ядро, к чему эта едкая ирония, собрат?

Улыбка молодого человека слегка скривилась — он не ожидал, что старик окажется столь прямолинейным:

— Я... я ведь тоже просто дал совет уважаемому собрату.

Дуань Уюнь легко усмехнулся:

— Благодарю за совет.

С этими словами он поднялся, отряхнул пыль, заложил руки за спину и зашагал прочь, оставив позади цепочку следов, которые тут же затоптали прохожие.

Цзян Цзюгуй посмотрел на следы, потом на свои штаны и вдруг громко выругался:

— Да это же ты меня пнул!

Но когда он поднял голову, фигура Дуань Уюня уже растворилась в толпе.

А на шумной многолюдной улице, в незаметном уличном тупике, словно привидение, стоял Чу Шучэнь. Он смотрел вслед удаляющемуся Дуань Уюню, некоторое время колебался, но так и не решился последовать за ним.

<http://bllate.org/book/22058/2293645>